

Е Хуай лежал в луже собственной крови, судорожно сжимая в кулаке замок долголетия. Его янтарно-золотые глаза тускнели, угасая, точно гаснущие на рассвете звезды.

Сквозь тяжелую пелену забытья до него доносились издевательские слова: «Слаб до смешного», «жалко смотреть»... Юноша понимал, что глумятся над ним, но сил возразить не осталось.

Но тут человек в черном балахоне обронил:

— Да у твоего наставника, похоже, совсем нет вкуса.

Эти слова заставили Е Хуая вскинуть голову. Из его разума ушла вся слабость, и вместе с хрипом наружу вырвался кровавый плевок:

— Не смей... говорить так... о моем наставнике!..

В такт ярости хозяина костяной меч ярко вспыхнул золотом. Человек в черном балахоне удивленно хмыкнул — то ли глядя на оружие, то ли на самого Е Хуая:

— Хм... Меч признал хозяина?

Но стоило незнакомцу слегка качнуть лезвие, как из его ладони в рукоять хлынуло дыхание скверны, в мгновение ока подавив золотое сияние.

Оружие вновь затихло.

Однако Е Хуай ощутил, как в затылок просочился ледяной холод. Подобно ядовитой змее, этот холод скользнул вниз по позвоночнику и вдруг...

Резко вонзился глубоко в плоть!

Скверна вгрызалась в тело, точно вырывая сухожилия и дробя кости. Спина превратилась в кровавое месиво. Мальчик забился в судорогах, но от невыносимой муки у него не осталось сил даже на крик — из горла вырывался лишь тихий, жалобный хрип, похожий на писк брошенного котенка.

Он вырывал его кости.

Кость Циляня... Значит, слухи не лгали. Незнакомец пришел именно за ней.

Раздался глухой, зловещий хруст.

Внутри что-то раскололось — кость дала трещину. Е Хуая вывернуло темной кровью. Он из последних сил цеплялся за замок долголетия, а в затухающем сознании билось лишь одно имя.

"Наставник... Цзян Ту..."

"Пусть забирает... Если без этой кости мы с наставником сможем жить спокойно и счастливо, пусть вырывает её к чертям..." — отрешенно думал он сквозь пелену агонии.

"Вот только... разве выживают те, у кого отняли хребет?"

"Если я умру, станет ли наставник горевать? Прольет ли он... хоть одну слезу по мне?"

Жизнь капля за каплей утекала вместе с горячей кровью. Пальцы мальчика бессильно разжались.

Человек в черном балахоне бесстрастно взирал на него сверху вниз. Истерзанное тело ребенка содрогалось в предсмертных судорогах, а из горла доносилось лишь невнятное бульканье — он больше не мог выговорить ни слова.

Незнакомец перевел взгляд на зажатый в руке костяной меч. Скрытые под маской брови сошлись на переносице:

— Как ты вообще посмел коснуться его клинка?

Вдруг воздух с визгом рассекло пламя.

Раздался резкий свист, и огненный Бич Бесформенности, обвив лезвие костяного меча, с силой рванул его назад!

Вырываясь, рукоять располосовала ладонь человека в балахоне до самой кости. Цзян Ту молниеносным движением перехватил летящий костяной меч.

Голос Цзян Ту звенел от сдерживаемой, ледящей ярости:

— Достоин он или нет — не твое собачье дело.

Этот знакомый, холодный голос вернул ускользающее сознание Е Хуая. Из последних сил угасающий мальчик приоткрыл глаза.

Сил приподняться не было, и перед его взором предстал лишь край летящего одеяния Цзян Ту. На окровавленную землю упал нежный цветок туми. Распустившись прямо у лица мальчика, он

ласково и бережно коснулся щеки своими лепестками.

Стало чуть щекотно, но так тепло.

Взгляд Е Хуая мгновенно прояснился.

Это не предсмертное видение. Это его наставник. Наставник пришел спасти его!

Две слезы скатились по вискам и затерялись в багровой луже, а лепестки туми в ответ затрепетали еще нежнее, стирая боль.

Цзян Ту направил поток духовных сил в тело мальчика, чтобы удержать в нем ускользающую жизнь. Но стоило его взгляду скользнуть по изуродованной спине ребенка, сквозь которую белели ребра, как в глазах бога вспыхнула чистая, первобытная жажда крови.

Он спешил сюда, готовясь к худшему, ведь Е Хуай висел на волоске от смерти, но реальность превзошла все самые жуткие опасения. Он и подумать не мог, что ребенка подвергнут столь изощренной пытке.

Его глупого щенка едва не ободрали заживо!

При мысли о том, как бережно он вчера обрабатывал раны мальчишки, пытаясь вернуть его израненной коже хоть какой-то приличный вид, и как все эти труды пошли прахом, на тыльной стороне ладони Цзян Ту вздулись вены. Он вскинул руку, и огненный бич с оглушительным щелчком обрушился на врага!

С самого появления Цзян Ту человек в черном хранил молчание. Он безразлично смотрел на свою рассеченную ладонь, с которой ручьем лилась кровь. Лишь когда пламя бича устремилось к его груди, он, словно очнувшись, резко отпрянул.

Но оружие словно предугадало этот маневр. Свернутый кольцами хвост бича мгновенно распрямился и сокрушительной молнией ударил противника прямо в грудь.

Черные одежды лопнули, обнажив рваную рану, под которой сверкнула кость.

— Оружие небесного ранга... — хрипло отозвался незнакомец, его дыхание сбилось. — Мстишь за этого щенка?

— Рад, что ты догадлив, — отрезал Цзян Ту.

Не теряя ни секунды, Цзян Ту ринулся в новую атаку. Однако противник уклонялся от прямого

столкновения, стремительно отступая назад. Клубы скверны начали обвивать его ноги и руки — верный знак того, что он собирается сбежать.

— Удрать вздумал? — процедил Цзян Ту.

Бич Бесформенности вспыхнул яростным ревушим пламенем, рассекая черную мглу и заставляя скверну в ужасе отпрянуть.

В следующий миг грудь незнакомца украсили новые глубокие рубцы. Огонь вгрызался в плоть, обнажая ребра при каждом ударе.

Он больше не защищался и не пытался увернуться. Безропотно приняв еще несколько безжалостных ударов, человек в черном тихо произнес:

— Тебе не следовало приходить сюда.

Цзян Ту не замедлил темпа ни на мгновение:

— Жалкий трус, прячущий лицо, не имеет права указывать мне.

И со свистом направил кончик бича прямо ему в лицо.

Кенг!..

Металл звеняще столкнулся с металлом. Раздался резкий скрежет, и Цзян Ту мгновенно все понял:

— Так ты тоже мечник?

Он тут же перехватил бич, меняя траекторию и обрушивая град ударов под самыми непредсказуемыми углами, но невидимый клинок противника раз за разом блокировал его атаки.

От яростного столкновения их внутренних сил земля под ногами ходила ходуном. Этот грохот едва ли уступал тому хаосу, который творился в миг крушения барьера Небесной реки.

За несколько мгновений они обменялись сотней ударов. Наконец Бич Бесформенности нашел брешь в глухой обороне незнакомца и молнией метнулся вперед.

Хлесткий удар!

Удар пришелся прямо по лицу. Черная маска треснула и раскололась надвое, обнажив плоть. Человек в балахоне судорожно прижал ладонь к окровавленной щеке, сквозь его пальцы обильно сочилась багровая влага.

Сразу же после этого он резко отпрянул назад, явно потеряв желание продолжать бой. Черный силуэт растворился в клубах скверны, и секунду спустя от него не осталось и следа.

Слегка переводя дыхание, Цзян Ту опустил оружие и презрительно хмыкнул.

"Надо же так беречь свое уродство..." — мысленно съязвил он.

Этот таинственный мечник оказался самым сильным противником из всех, с кем Цзян Ту сталкивался после возвращения в мир живых. И все же бог понимал: незнакомец бился не в полную силу. Скорее, он просто не желал этой схватки, оттого и спасался бегством. А его фраза «Тебе не следовало приходить»... Что ж, это звучало весьма интригующе.

Отбросив лишние думы, Цзян Ту поспешил к Е Хуаю.

Лепестки туми сумели временно остановить кровотечение и унять боль, но они находились в самом сердце зараженных земель. Любой всплеск чистой духовной силы мог привлечь стаи призрачных зверей, так что полноценное лечение пришлось отложить.

Цзян Ту бережно приподнял израненного мальчишку, укладывая его голову себе на колени, и мягко коснулся пальцами его лба, делясь остатками энергии. Взгляд его вновь замер на изувеченной спине.

Благодаря магии цветов плоть начала стягиваться, разорванные сосуды срослись, однако до полного заживления было еще далеко — обнаженные участки розовой кожи выглядели пугающе хрупкими.

В груди поднялось глухое раздражение. Странно: даже в разгар яростного боя с тем таинственным мечником его пульс оставался ровным, а сейчас сердце колотилось как безумное, стоило лишь взглянуть на искалеченного ребенка.

Цзян Ту не заметил, как в самой глубине ран на костях Е Хуая медленно проступал таинственный золотой узор, въедаясь в саму их структуру.

Пока бог раздумывал, как поудобнее понести это хрупкое тельце, теплые, испачканные в крови ладони робко обхватили его за шею.

Е Хуай пришел в себя. Превозмогая жуткую боль, которая при каждом движении грозила вновь разорвать едва схватившуюся кожу, он изо всех сил прижался к Цзян Ту:

— Наставник...

Мальчик уткнулся лицом в его прохладное плечо, тихо всхлипывая:

— Наставник... Мне так больно... Наставник...

Проявив небывалую мягкость, Цзян Ту осторожно поднял его на руки и стал мерно, успокаивающе похлопывать по плечу:

— Тише, тише. Все уже позади.

— Наставник... — еле слышно прошептал ребенок, — побудь так еще немного... совсем чуть-чуть...

Цзян Ту тихо выдохнул:

— Хорошо.

Е Хуай облегченно вздохнул и, пригревшись в его руках, снова впал в полузабытье.

Цзян Ту устремил задумчивый взгляд вдаль.

Схватка отняла драгоценные минуты, и мгла вокруг сгустилась до предела. Однако, пока бог нес израненного мальчика сквозь клубы скверны, рыскавшие поблизости призрачные твари словно не замечали их присутствия.

Если бы кто-то сейчас посмотрел на Цзян Ту, он бы пришел в ужас: кончики его некогда угольно-черных волос сделались белоснежными, а висевший на поясе нефритовый жетон потемнел, налившись зловещим, багрово-красным сиянием.

Вскоре показалась граница разрушенных земель — место, где прежде высился великий барьер Небесной реки.

Раздался поспешный шаг, и навстречу им выбежал запыхавшийся Чэн Жан:

— Господин Цзян! Прости, что заставил ждать.

Бросив беглый взгляд на его окровавленный клинок, Цзян Ту кивнул:

— Главное — все кончено.

Чэн Жан в ужасе уставился на окровавленного мальчика:

— А с молодым господином... Что стряслось?

— Долгая история, — коротко бросил Цзян Ту.

Вдруг за их спинами раздался оглушительный грохот.

Обернувшись, они увидели, что сияние защитного барьера ордена под натиском наползающей грозовой тьмы едва мерцает. Древний массив угасал, точно разбитый штормом маяк.

По лбу Чэн Жана покатались крупные капли холодного пота:

— Твою мать... Откуда здесь столько скверны?! Господин Цзян, подмога с Горы Просветленного Сердца не успеет. Послушай меня: отнеси мою саблю Вступления в Сражение в поминальный зал на заднем дворе. Похороните ее рядом с клинком моего учителя...

Он уже потянулся к ножнам, но Цзян Ту остановил его ледяным вопросом:

— И что ты задумал?

Чэн Жан горько усмехнулся:

— Взорву свое золотое ядро. Это задержит скверну хотя бы ненадолго.

Сила Чэн Жана едва достигала третьей ступени, но взрыв золотого ядра высвободил бы такую колоссальную мощь Земного ранга, которой хватило бы на восстановление целого защитного купола.

Это дало бы им шанс выиграть час-другой.

И все же это было лишь робкой надеждой. Судя по бешеному напору черного тумана, даже эти жалкие часы казались несбыточной мечтой.

Высшие миры не допустили бы подобного бедствия. Барьер Небесной реки в Среднем царстве попросту не был рассчитан на сдерживание столь разрушительной мощи.

Скверны действительно прибыло в разы больше, и было очевидно: кто-то намеренно направил эти темные потоки сюда, воспользовавшись брешью.

Единственным, кто мог за этим стоять, был тот таинственный мечник в маске.

Незнакомец умел управлять оскверненной энергией. А значит, катастрофа, грозившая стереть орден Прихода и Ухода с лица земли, почти наверняка была делом его рук.

И хотя на долю ордена выпали чужие грехи, Цзян Ту понимал: этот удар предназначался ему. А значит, именно он должен был его отразить.

Обойдя застывшего Чэн Жана, Цзян Ту сухо бросил:

— Держи.

Тот растерялся, когда Цзян Ту без лишних слов пересадил раненого Е Хуая ему на руки:

— Присмотри за ним.

— Господин Цзян... — попытался возразить Чэн Жан.

Цзян Ту прижал палец к губам:

— Тсс.

В тихом шепоте бога крылась неодолимая сила. Все слова застряли у Чэн Жана в горле, и ему оставалось лишь молча смотреть, как Цзян Ту неторопливой, уверенной походкой идет навстречу клубящейся тьме.

Вдруг...

Иссиня-черные пряди Цзян Ту мгновенно подернулись серебром, словно вершина священной горы Куньлунь в разгар снежной бури. Этот чистейший белый цвет стал единственным источником света в бескрайней бездне.

С каждым его шагом из-под каменистой земли прорывались алые искры. Оседая на камнях, они распускались пылающими бутонами, свиваясь в огненную тропу.

Казалось, по склонам потекла живая лава. Пламя яростно вгрызалось в черные тучи скверны. Подойдя к самому разлому, Цзян Ту медленно поднял руку и устремил раскрытую ладонь вперед.

Бутоны слились в сплошное алое море, огненная буря закружилась в едином неистовом вихре.

Лепестки туми ревущим потоком взметнулись ввысь, пожирая не только землю, но и само небо.

Могущественная, непреклонная духовная энергия насильно заставила расколотые куски древней защиты соединиться. Золотисто-алые нити стягивали края бездны. Под тяжелый, утробный рокот горная порода и сама ткань пространства начали срастаться, восстанавливая барьер Небесной реки!

Чэн Жан ошеломленно замер, не веря собственным глазам.

В мире заклинателей действовал закон великих рек: великие источники забирали все, оставляя слабых ни с чем. Семь великих сект безраздельно владели всеми духовными жилами Поднебесной.

Но этот бродячий заклинатель обладал столь невероятной мощью, что даже вершины священных гор должны были склониться перед ним, отдавая свои соки.

Чья же это сила? Разве способен хоть кто-то в нынешней Поднебесной сравниться с ним?

Земля продолжала содрогаться, словно небо вот-вот рухнет на горы. Цзян Ту обернулся к Чэн Жану:

— Наложить печать! Живо!

Чэн Жан очнулся. Заметив, что Е Хуай открыл глаза, он бережно опустил мальчика на землю, помогая удержать равновесие.

Вывхватив клинок, Чэн Жан взмыл в воздух. Его сабля описала сверкающую дугу и с силой обрушилась на стык восстанавливающегося барьера:

— Скверна, изыди! Да воссоединится бывшее!

Огромная золотая печать со свистом врезалась в мерцающие трещины!

Магический символ заполнил пустоты. Золотой свет мгновенно вытеснил алое пламя Цзян Ту и с непреодолимой силой намертво спаял осколки барьера Небесной реки.

Под затихающий гул по стеклянной поверхности пробежала перламутровая рябь. Новый, нерушимый купол взмыл от подножия гор прямо к облакам.

Чэн Жан тяжело дышал — заклинание выпило почти все его резервы. Вытерев пот со лба, он

устало улыбнулся:

— Получилось... Теперь дождемся мастеров с Горы Просветленного Сердца, они укрепят защиту, и беда отступит. Господин Цзян, твоя сила...

Не слушая восторженных речей заклинателя, Е Хуай заворуженно смотрел вперед. В его янтарных глазах отражалось величественное сияние барьера Небесной реки.

Пошатываясь, он бросился вперед:

— Наставник!

Услышав этот тихий голос, Цзян Ту опустил руку и медленно повернулся.

Но не успел он сделать и пары шагов...

Огненные цветы туми мгновенно увяли, осыпавшись безжизненным пеплом. Шаги бога замедлились, лицо сделалось бледнее мела. Ноги подкосились, и он тяжело рухнул на колени.

Почувствовав резкий запах свежей крови, Е Хуай похолодел от ужаса:

— Наставник?!

Цзян Ту попытался успокоить его, но к горлу подступил удушливый, обжигающий жар. Из его рта хлынула темная кровь, а все тело содрогнулось в мучительной судороге.

Голоса Е Хуая он больше не слышал — мир вокруг закружился, ослепляя то белыми вспышками, то непроглядной тьмой. Последняя нить, связывающая его с реальностью, оборвалась, и невидимые ледяные руки утащили его сознание в глубокую, глухую бездну.

<http://bllate.org/book/19047/1973456>